

УДК 81'0

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ДОПОЛНЕНИЯ В ЭРГАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА)

Навразова Х.Б.

Чеченский Государственный Педагогический Институт, Грозный, Россия (364037, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33, E-mail: chechgpi@mail.ru)

В статье рассматриваются вопросы выделения дополнения в языках эргативного строя, как главного члена предложения. Показано, что выделение дополнения связано с известной спецификой эргативного строя предложения, в котором формы выражения подлежащего и прямого дополнения не дифференцированы, вследствие чего прямому дополнению придается более высокий статус, чем функция второстепенного члена предложения. Обращено внимание на то, что переходность в эргативной конструкции может быть «скрытой» - в том смысле, что в соответствующей конструкции прямое дополнение не имеет самостоятельного словесного выражения, а слилось с глаголом. Глаголов типа : сада1а (отдыхать), сагатдан (скучать), гобаха (кружить), кьахега (трудиться) в чеченском языке много. Автор предлагает писать подобные глаголы раздельно: са да1а, са гатдан, го баха, кьа хега , решив орфографическую проблему в интересах носителей чеченского языка.

Ключевые слова: субъекты собственности, адресат действия, субъект должностования, эргативный строй предложения.

TO THE ISSUE OF THE OBJECT STATUS IN ERGATIVNY LANGUAGES (ON THE EXAMPLE OF THE CHECHEN LANGUAGE)

Navrazova H.B.

Chechen State Pedagogical Institute, Grozny, Russia (364037, Chechen Republic, Grozny, Kiyevskaya St., 33, E-mail: chechgpi@mail.ru)

In the article the question of object highlighting in languages of an ergative system as principal part of the sentence is considered. It is shown that object highlighting is connected with well-known specifics of an ergative system sentence in which forms of expression of a subject and a direct object aren't differentiated owing to the fact the direct object is given a higher status, than the function of a secondary part of a sentence. The attention is paid that transitivity at first in an ergative construction can be "hidden" – in the sense that in the corresponding construction the direct object has no independent verbal expression, and merged with a verb. There a lot of verbs in the Chechen language of such type: sa da'a (to have a rest), sa gatdan (to miss), gobakh (to turn), k'a hiega (to work). The author suggests to write the verbs of this kind separately: sa da'a, sa gatdan, guo bachk, k'a hiega, to solve a spelling problem in the interests of the Chechen language speakers.

Keywords: subjects of property, addressee of an action, subject of obligation, ergative structure of the sentence.

В грамматиках кавказских языков описание второстепенных членов предложения в корне отличается от того, которое дается, когда речь идет, например, о языках индоевропейских. Связано это и с известной спецификой эргативного строя предложения, в котором формы выражения подлежащего и прямого дополнения не дифференцированы, вследствие чего прямому дополнению придается более высокий статус, чем функция второстепенного члена предложения. Между тем, есть основание думать, что степень специфичности «эргативных» языков несколько преувеличена.

Любое элементарное предложение, такое, как его понимает, например, В.Г. Адмони, имеет в своей основе некий «каркас» (главные члены, вступающие в непосредственное предикативное отношение). В свою очередь «словоформы, образующие каркас любого логико-грамматического типа предложения с их взаимонаправленной обязательной

сочетаемостью, либо организуют элементарное предложение сами по себе (нераспространенное предложение), либо служат основой для подключения компонентов предложения, зависимых от них» [1]. При этом каждый из двух главных членов «подключает к себе» те или иные второстепенные члены и тем самым образуют состав подлежащего и состав сказуемого. Второстепенные члены, входящие в состав подлежащего, - дополнение и определение, второстепенные члены, входящие в состав (глагольного) сказуемого, - дополнение и обстоятельство.

Дополнение – «второстепенный член предложения, выражающий предметно-процессное отношение (т.е. отношение одного самостоятельного предмета мысли к другому) посредством комплетивной связи. Обычно выражается существительным в косвенном падеже» [3]. Обычно в грамматиках, независимо от языка, о котором идет речь, различаются дополнения *прямые* и *косвенные*. В грамматиках «номинативных» языков и прямое, и косвенное дополнения относят к второстепенным членам, в грамматиках языков «эргативных», особенно в грамматиках кавказских языков, до сих пор устойчивы позиции концепции, согласно которой прямое дополнение включается в число главных членов предложения, следовательно, в сферу второстепенных членов вводится только косвенное дополнение. Как нами уже отмечалось ранее, мотивируется это тем, что глагольное сказуемое в эргативных переходных предложениях согласуется в классе с прямым дополнением. Так, Н.Ф. Яковлев, традиции которого сильны в синтаксисе кавказских языков донныне, писал об этом так: « Главными членами предложения в чеченском языке являются: сказуемое (предикат), подлежащее (субъект) и прямое дополнение (объект)» [10]; «Прямое дополнение или объект выражает продукт или предмет труда, а также вообще лицо или предмет, подвергающийся действию. Прямое дополнение (грамматическое) в чеченском языке всегда стоит в именительно-винительном падеже и только в переходных предложениях. Сказуемое-глагол согласуется с прямым дополнением в классе. Таким образом, в тех случаях, когда подлежащее стоит в активном падеже (переходный оборот), сказуемое согласуется не с подлежащим, а с прямым дополнением, поэтому прямое дополнение и следует считать, на ряду с подлежащим, одним из главных членов чеченского предложения» [10]. Еще более определенно и вместе с тем доказательно (если с ним вообще можно согласиться) об этом писал И.И. Мещанинов. С его точки зрения, «в тех языках, в которых синтаксические отношения передаются не слиянием, а иными синтаксическими приемами, прямой объект выделяется и получает свое отдельное место в структуре предложения. Здесь положение его варьируется ..., начиная от зависимого члена и кончая самостоятельным, выступая даже в положении главного члена предложения» [6]; в языках «...афетических Северного Кавказа не может ... идти речь об управлении падежом прямого

дополнения со стороны глагола ... семантика самого прямого дополнения устанавливает и свою форму, и свое отношение к глаголу, то более близкое к нему, то более далекое» [6]; «в предложении переходного действия прямое дополнение выступает в этих языках столь же обязательным членом, как и подлежащее со сказуемым. Здесь прямое дополнение уже главный член предложения» [6];. В вопросе о включении прямого дополнения в предикативную основу предложения попредставляет интерес обращение в одной из своих работ Т.П. Ломтева к проблеме предикативности в языках с иным, чем в индоевропейских, соотношением субъекта, объекта и предиката. Сославшись на широко распространенное мнение о том, что предикативность есть грамматическое (а не логическое) свойство предложения, и грамматичность предикативности выражается в формах лица (класса), времени, модальности, Т.П. Ломтев переходит к кавказским языкам. Отметив, что «глагол в некоторых кавказских языках в отличие от глагола в славянских языках содержит показатели свойств не только исходных, но и последующих предметов» [5], он делает вывод, что в предложениях типа аварск. *Dica razi ha-v-ula emen* «Мною довольным делается отец» (resp. чеч. *Ac rezavo da*) «мы должны были бы признать предикативной не только семантику связей *ha-v-ula emen* (делается отец), но и семантику связей *dica ha-v-ula* (мною делается)» [5]. Однако, поскольку именно между *dica* и *ha-v-ula* такой связи нет, Т.П. Ломтев приходит к совершенно логичному выводу, что предикативность, следовательно, не грамматична. Если пойти дальше, можно в этой связи утверждать, что согласование в классе с объектом-дополнением, а не с субъектом-подлежащим, говорит о несущественности этого признака для главного свойства предложения – предикативности, а значит, этот признак не должен играть определяющей роли и в определении статуса члена предложения как главного или второстепенного. Тем не менее, ни этот, ни какие-либо другие доводы не кажутся убедительными тем, кто придерживается старой грамматической традиции. То, что эта традиция занимает прочные позиции в нахском языкознании и сейчас, доказывает синтаксическая часть книги И.Ю. Алироева, который пишет следующее: «По наличию в предложении главных членов (подлежащего и сказуемого) предложения могут подразделяться на односоставные и двусоставные. Учитывая особую роль в языках эргативного строя прямого дополнения, последнее также следует включать в число главных членов. Соответственно, предложенная классификация должна быть дополнена в этом случае трехсоставным предложением» [2]. На самом деле, как мы об этом говорили выше и как это обстоятельно показано А.И. Халидовым (**Халидов 1999**), функционально-синтаксически прямое дополнение мало чем отличается от такого же члена предложения в других языках, в том числе и в номинативных индоевропейских, поэтому, даже с учетом его

специфики, оно должно быть квалифицировано как второстепенный член предложения и в чеченском языке, и в других кавказских языках.

Из двух типов дополнения прямое дополнение может входить только в состав сказуемого. Форма выражения **прямого дополнения** – именительный падеж, называемый часто абсолютивом. По своей функции и синтаксической семантике соотносится с винительным падежом (аккузативом) в номинативных индоевропейских языках. В том случае, если глагольное сказуемое способно иметь при себе префиксальный классный показатель, оно согласуется в классе с прямым дополнением: *Ас книга й-оьшу* «Я книгу читаю»; *Цо болх б-о* «Он работу делает//работает»; *Дас йол й-еьна* «Отец сено принес/привез»; *Вашас сту б-устийна* «Дядя быка откормил»; и т.п. Во многих случаях глагольные сказуемые неклассные, следовательно, нет и классного согласования сказуемого с прямым дополнением: *Ас книга ийцира* «Я книгу купил»; *Беречо говр сацийра* «Всадник коня остановил»; *Дас говрана нуьйр тиллина* «Отец коню седло постлал// оседлал коня»; и т.п. Это послужило для отдельных составителей чеченских грамматик (учебных) поводом к тому, чтобы дифференцированно подойти к решению вопроса о статусе не только прямого дополнения, но даже подлежащего в зависимости от согласования//несогласования с ним в классе глагольного сказуемого. Так, у З.Д. Джамалханова и М.Ю. Мачигова читаем следующее: «В непереходном предложении в случае изменения в классе или числе оно (сказуемое) согласуется с подлежащим в именительном падеже, и в этом случае подлежащее становится независимым членом; если сказуемое в числе и классе не изменяется, оно, не согласуясь с подлежащим, наоборот, управляет им, тогда это подлежащее становится зависимым членом» [4]. Здесь речь идет о *зависимом* и *независимом* подлежащих, а применение того же критерия к прямому дополнению приводит этих авторов к разграничению уже двух типов прямого дополнения: 1) главного члена предложения, если глагольное сказуемое согласуется с ним в классе [4]; 2) второстепенного члена, если такого согласования нет[4]. Мы исходим не из согласования глагольного сказуемого с дополнением, носящего к тому же нерегулярный и необязательный характер, а из функционально-синтаксического критерия, в соответствии с которым в качестве второстепенного члена предложения выделяется тот, который не участвует непосредственно в предикативном отношении, выражает зависимое синтаксическое значение (объекта, признака и т.д.), оформляется, как правило, косвенными формами имен, если это дополнения или неадекватно оформленные определения. При таком подходе прямое дополнение, конечно, должно характеризоваться как второстепенный член предложения.

[Кстати, придание статуса главного члена прямому дополнению характеризует не только кавказский синтаксис или вообще синтаксис «эргативных» языков. Это же самое, но,

конечно, не в связи с классным согласованием, предлагалось применительно к французскому языку, по происхождению и структурным признакам весьма далекому от кавказских языков: «**Прямое дополнение (Od)** – важнейший второстепенный член предложения. Роль прямообъектной конструкции и прямого дополнения во французском синтаксисе такова, что некоторые лингвисты считает его третьим главным членом предложения» (Гак 1986, стр. 79). Объясняется это тем, что «во французском предложении *Od* несет наряду с семантической структурную функцию, оно необходимо для реализации валентных связей переходного глагола» (там же, стр. 80). Ясно, что прямое дополнение является структурно обязательным членом переходного предложения и возможности его элиминации во французском языке предельно ограниченные, но в принципе определенную структурную функцию прямое дополнение выполняет в любом другом языке, и вряд ли правомерно ставить его статус в зависимость от этого признака.]

Переходность глагола в эргативной конструкции может быть «скрытой» - в том смысле, что в соответствующей конструкции прямое дополнение не имеет самостоятельного словесного выражения, а «слилось» с глаголом. Эти предложения обратили на себя внимание М.И. Чапанова, который в принципе верно отмечает, что глаголы типа *sadala* «отдыхать», *saqatdan* «скучать», *gobaqa* «кружить» являются переходными, но почему-то интерпретирует это как случай, когда «некоторые непереходные глаголы индоевропейских языков в нахских языках являются переходными» [10]. Таких глаголов в чеченском и ингушском языках относительно много (*k'ax'yeqa* «трудиться», дословно: «труд терпеть»; *sadakk'xa* «вздохнуть», буквально: «душу выдохнуть»; *gotasa* «обойти (вокруг)», буквально: «круг бросить»; *ladog'la* «слушать», буквально: «ухо настроить»; *k'adexa* «проклинать, насылать проклятия»; и т.д.). Близки к ним по характеру общего значения, не соотносимого прямо с исходными значениями компонентов, глагольные словосочетания типа *manqal toxa* «косить», букв. «косу ударить», *bla'erg toxa* «взглянуть», букв. «глаз ударить», *cerq toxa* «надкусить», букв. «зуб ударить», *ku'eg x'ax'xa* «погладить», букв. «руку потереть», *urs x'ax'xa* «зарезать», букв. «нож потереть», и т.д. Переходными здесь являются, собственно, сами глаголы, а не словосочетания, и в них объект выражен. Слитное написание существительных с глаголами в одних случаях (*sadala*, *gobakk'xa* и др.) и раздельное в других (*bla'erg toxa*, *ku'eg x'ax'xa*) не регулируется какими-то строгими правилами, с чем связаны известные проблемы выбора правильного написания подобных глаголов и словосочетаний. Единое для всех подобных случаев правило раздельного написания было бы, наверное, оптимальным выбором, так как в этом случае была бы решена в интересах носителей языка орфографическая проблема и вместе с тем эргативность и переходность конструкций с таким предикатами и дополнениями не вызывала бы сомнений и разночтений.

Косвенное дополнение может быть выражено любым косвенным падежом, кроме эргативного. У Н.Ф. Яковлева косвенные дополнения подразделяются на а) самостоятельное родительное дополнение (не при дополняемом), б) дательное дополнение, в) творительное дополнение, г) местное дополнение в его различных формах, д) вещественное дополнение и е) сравнительное дополнение. То есть дополнения дифференцируются по принадлежности к тому или иному падежу. При этом отнесение тех или иных словоформ к дополнениям у Н.Ф. Яковлева вызывает вопросы. Так, он приводит родительное дополнение в значении субъекта собственности или принадлежности (*Сан ахча ду* «У меня деньги есть»; *Сан корта лозу* «У меня голова болит»), а затем предупреждает о том, что «его следует отличать от тех случаев, в которых имеется несамостоятельное родительное дополнение при дополняемом»: *Сан ахча ду иза* «Мои деньги – (есть) вот те» [11]. Во втором случае на самом деле не дополнение, а определение, но если даже согласиться с Н.Ф. Яковлевым, непонятно, к какому – косвенному или прямому – типу дополнений он относит «несамостоятельное родительное дополнение» (в приведенной классификации косвенных дополнений оно у него не отражено). Видимо, ни сам подход к классификации дополнений, ни идентификация конкретных словоформ с дополнениями, характерные для Н.Ф. Яковлева, нас не могут устроить. Хотя бы даже потому, что односторонний подход здесь неуместен: ни *структура* предложения и его компонентов, ни *семантика* не могут быть единственным критерием их классификации, в таких классификациях должно быть учтено и то, и другое. Падежная форма, даже с учетом того, что среди структурных свойств членов предложения способ их выражения является главным свойством, для нас важна, но не настолько, чтобы строить на падежных различиях саму классификацию: не строим же мы, например, на этом признаке классификацию определений и обстоятельств. Наиболее оптимальным представляется подход, при котором в основу классификации кладутся принятые в грамматиках многих языков различия в способах выражения определенных (синтаксических) значений, свойственных тому или члену предложения. В данном случае речь идет о том, что на первом месте для нас значение, на втором – форма.

Косвенное дополнение в чеченском языке является второстепенным членом предложения, реализующим следующие основные (синтаксические) значения.

1. *Субъект собственности и принадлежности, или субъект обладающий*. Выражается родительным падежом в функции приглагольного дополнения: *Йишин дуккха а тайнигаши ду* «У сестры много кукол»; *Сан лулахочун дуккха а уьстагIий ду* «У моего соседа много овец». Такие предложения интересны тем, что функция и значение родительного падежа в предложениях минимальной структуры, включающей только предмет (объект) и субъект обладания, зависят от порядка слов: преобразование *Лулахочун уьстагIий ду*, где *уьстагIий*

– подлежащее, *ду* – сказуемое, а *лулахочун* – косвенное дополнение, в *УстагIий лулахочун ду* приводит к тому, что словоформа *лулахочун* перемещается в функцию именной части составного сказуемого, а объект обладания (*устагIий*) становится на место подлежащего квалификативного (определяющего) сказуемого. Т.И. Дешериева причисляет сюда и родительный падеж в предложениях типа *Дешархочун корта лозу* «У ученика голова болит» (Дешериева 1974, стр. стр. 40), однако это разные косвенные дополнения и в структурном, и в семантическом плане. В случаях с первыми двумя предложениями дополнения *йишин* и *лулахочун* зависят от составного именного сказуемого, которое обозначает предмет обладания, и распространяющее его дополнение может и должно рассматриваться как способ выражения семантики субъекта – обладателя. В случае с предложением *Дешархочун корта лозу* - простое глагольное сказуемое, выражающее семантику состояния, словоформа *дешархочун* зависит не от *корта*, а от *лозу* (*лозу хьенан? Дешархочун – болит у кого? У ученика*), поэтому в таких сочетаниях родительный падеж выражает значение субъекта состояния, а не обладания. Сюда следует отнести и употребление родительного падежа в функции приименного дополнения во всех случаях.

2. *Субъект – «держатель» предмета, который не обязательно является его обладателем; субъект, у которого находятся обозначаемые подлежащим предметы и лица (Вахегахь ахча ду «У Вахи деньги есть»; Лулахошкахь духа нах бу «У соседей много людей есть»)*. Именно поэтому, видимо, эта форма местного падежа в литературе получила название «закрывающего падежа»

3. *Субъект – источник действия, состояния, обозначенного именем существительным*. Это значение реализуется родительным падежом в функции приименного дополнения: *Сан доттагIчун кьамел даггара дара* «Моего друга разговор от души (искренний) был»; *Берзалоин угIар дара хезаш* «Вой волков был слышен»; *Кеманан IовгIа хIинца а ю сан лерехь* «Самолета шум все еще есть в моих ушах».

Список литературы

1. Адмони В.Г. Структурно-смысловое ядро предложения. // Члены предложения в языках различных типов. – Л., «Наука», 1972. – С. 35-50.
2. Алироев И.Ю. Чеченский язык. – М., «Academia», 1999. – 159 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – 605 с.
4. Джамалханов З.Д., Мачигов М.Ю. Нохчийн мотт. I-ра дакъа. Лексикологи, Фонетика, Морфологи. [Чеченский язык. Часть I. Лексикология, Фонетика. Морфология]. – Грозный, 1985. – 223 с.

5. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – М., изд-во Моск. ун-та, 1972. – 197 с.
6. Мещанинов И.И. Номинативное и эргативное предложения: Типологическое сопоставление структур. – М., «Наука», 1984. – 293 с.
7. Навразова Х.Б. Структурные особенности предложения в чеченском языке. // Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии». Майкоп, 2001. – С. 127-128.
8. Халидов А.И. Сопоставительно-типологический анализ односоставных конструкций русского и чеченского языков. // Синтаксис вайнахских языков. – Грозный, 1986. – С. 68-80.
9. Халидов А.И. О языке героико-исторических илли. // Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли. Грозный, 1984. – С. 38-50.
10. Чапанов М.И. Эргативная конструкция предложения в нахских языках. //Известия ЧИНИИИЯЛ, том IV, вып. 2, «Языкознание». – Грозный, 1962. – С. 96-168.
11. Н.Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. М.-Л., 1940. 319 с.

Рецензенты:

Тимаев А.Д., д.ф.н., профессор кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный;

Сулейбанова М.У., д.ф.н., профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.